

Научные школы и комплексы их исходных постулатов и подходов в археологии XIX-XX в.

Период с конца XVIII и вплоть до XX в. - время развития археологии, как науки по двум направлениям: приводились в систему ее методы, устанавливались принципы соотнесения полевых изысканий, материальных остатков и формировались основные археологические школы и направления. Научной школой в археологии и в науке вообще является группа учёных или коллектив исследователей, выполняющая в долгосрочном периоде под руководством лидера определенную научно-исследовательскую программу, решающую четко сформулированную научную задачу или комплекс задач [1, с. 3].

Изучение научных школ требует определения содержания понятия этого феномена. Междисциплинарный анализ на стыке науковедения, историографии, социологии науки, психологии научного творчества позволяет выделить инвариантные признаки школ в науке [2, с. 2]. Они таковы:

1. научная школа – это коллектив ученых:
2. в рамках такого коллектива под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в трех основных направлениях:
3. разработка конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы
4. подготовка молодого поколения исследователей
5. организация и координация общих усилий в утверждении особых норм взаимоотношений между членами научной школы как коллектива.

Научные школы могут решать одинаковые научные задачи, однако могут различаться в подходах к их решению: программах, методах, инструментах, научных принципах и, соответственно, по достигнутым результатам.

Некоторые специалисты по истории археологии рассматривают научные школы как парадигмы - комплексы исходных постулатов и подходов, получивших столь широкое признание, что они послужили основой для развития главных направлений археологических исследований [2, с. 3]. И не случайно на протяжении всего развития археологической науки, доминирующую роль играли различные научные школы. Изучая их можно проследить историю развития археологической мысли, а так же доминирующие комплексы методов, интерпретаций и парадигм в разные периоды существования археологии.

Достаточно позднее оформление историографии археологии в самостоятельный раздел науки привело к тому, что серьезной исследовательской работы по изучению археологий не велось. Само представление о феномене научной школы формировалось под воздействием научной традиции и теоретической характеристики [2, с. 4].

Само зарождение научных школ связано с именами отдельных исследователей и энтузиастов, которые увлекались археологией как хобби ещё в 19 веке.[3, с 55] Так один из основателей эволюционизма Питт Риверс, коллекционер, археолог, систематизатор пришел к идее проследить постепенное усовершенствование техники, особенно военной и судоходной. В основе эволюционизма лежит учение Дарвина о эволюции, Питт Риверс считал, что вещи развиваются тем же эволюционным путем, что и животные виды. Он предложил свою систему классификации, до него никем не применявшуюся. Свои коллекции Питт Риверс размещал не по странам и не по эпохам, а по рядам отдельных вещей, прослеживая путь развития каждой вещи Система Питт Риверса наглядно продемонстрировала значение сравнительно-этнографического метода в археологии, помогла объяснить назначение древних вещей и приблизиться, к социальному объяснению орудий как древних, так и современных [4, с. 65].

Но всё же начальной точкой в зарождении научных школ в археологии считают появление культурно-исторического направления. Культурная археология — описательный термин,

используемый для обозначения археологической практики конца XIX — середины XX века, которая главным образом состояла в сборе артефактов и их тщательной классификации [5, с. 140]. При этом сходные по внешним признакам артефакты соотносились вместе, на основе сопоставлений выявлялись археологические культуры, о распространенности которых можно было судить по распространенности относящимся к ним артефактов. Культурную археологию следует считать одной из первых научных археологических школ, имеющую свои методы, комплексы исследований теории, гипотезы и парадигму. На основе парадигмы осуществлялся поиск и классификация археологических памятников. Методы данной школы получили очень широкое распространение и частично используются и в наши дни, преимущественно для классификации артефактов до письменной археологии.

В шестидесятые годы XX века в научной среде возникло понимание того, что археология, если она является наукой, а не просто практическим занятием помимо сбора артефактов и их классификации, должна пытаться ответить на вопрос, почему происходили те или иные передвижения носителей культур и трансформаций культур друг в друга [4, с. 97]. Культурно-историческая археология критиковалась в связи с отсутствием должного научного метода, в связи с тем, что археологи, работая в этой парадигме, систематически делали индуктивные, а не дедуктивные выводы, которые впоследствии часто оказывались ошибочными [5, с. 71].

Подобный подход к археологии в шестидесятые годы получил название «новая археология» (позже «процессуальная археология»), при этом вся предыдущая, «старая» археология стала называться культурной или культурно-исторической. Это был сложный процесс, а не простая смена одной школы другой. Культурная классификация в археологических исследованиях осталась, всё так же классифицировались по определённым культурам найденные артефакты. Но теперь главную роль стала играть не культура, а интерпретация найденных артефактов. Произошёл переход археологической мысли на более высокий уровень, происходило формирование археологии как науки.

Основными идеологами процессуальной археологии стали американский археолог Льюис Бинфорд и английские археологи Дэвид Кларк и Колин Ренфрю. В их работах содержалась критика зачастую ошибочных интуитивных выводов культурных археологов и указания на то, что археология должна опираться на дедуктивный способ мышления, а не на индуктивный, и опираться сугубо на научный метод. Процессуальные идеи получили большую популярность в шестидесятые годы и инициировали масштабную теоретическую дискуссию в археологической среде о том, какой должна быть археологическая теория. Процессуальная археология в противовес культурной археологии фокусируется на процессе трансформации культур прошлого, пытаясь помимо простого сбора археологической информации интерпретировать её таким образом, чтобы иметь возможность ответить на вопрос, почему те или иные изменения в человеческих культурах происходят с течением времени [4, с. 81].

В основе процессуальной археологии заложено предположение характерное для философии позитивизма о том, что подобные знания можно получить исключительно на основе научного метода.

С точки зрения процессуального подхода главной задачей археолога должны быть поиски ответов на вопросы о динамике развития культур прошлого. Для достижения этой цели необходимо получить наибольшее количество данных при археологических раскопках с использованием корректных научных подходов и их последующий дедуктивный анализ. Основным достижением процессуальной археологии является корректная постановка вопроса о месте археологии среди других наук и указание на недостаточность теоретической базы. Словами Дэвида Кларка археология, таким образом «вышла из пелёнок».[5, с. 64] Методы анализа, выработанные процессуальными археологами, включая этноархеологию, статистические методы, были безоговорочно приняты на вооружение археологами сторонниками всех теоретических концепций. Таким образом процессуальная археология выдвигает на новый уровень саму археологию. Превращает её из прикладной практического занятия в самостоятельную научную дисциплину, имеющую не только методы сбора и классификации данных, но и обоснованную систему их интерпретации [6, с. 218].

Основоположником пост-процессуальной археологии был Ян Ходдер, один из учеников Давида Кларка, одного из основоположников, процессуальной археологии. Ян Ходдер через некоторое время, отмежевался от процессуальной археологии, указывая, что этот подход недостаточно уделяет внимание культуре и символизму изучаемого древнего народа, а также, что сам подход основан на устаревшей позитивистской философии. Одним из ключевых положений пост-процессуальной археологии стало утверждение о том, что любой археолог, анализирующий полученные данные, имеет тенденцию интерпретировать их, исходя из своего жизненного опыта и своей философии, а не из ещё неизвестной философии и опыта древнего народа, что закономерно порождает перекосы в интерпретации археологической информации. Основная парадигма заключалась в том, что ни один отдельно взятый учёный не может составить истинное впечатление о прошлом, ибо будет смотреть на него через призму собственного жизненного опыта и неявных часто неосознаваемых предпосылок. Пост-процессуальный подход постепенно получил широкую известность; главы, описывающие идеи Ходдера, были включены почти в каждый учебник по археологии, однако дискуссии о ценности этого подхода продолжаются [4, с. 110].

Но в конце 1980-х начале 1990-х происходит синтез двух направлений, процессуального и пост-процессуального, которое получило название когнитивно-процессуального. Это направление в археологии, объявленное «новым синтезом» было выдвинуто Колином Ренфрью и его последователями они попытались расширить рамки процессуального подхода, сохранив многие основополагающие его характеристики [7, с. 214].

Когнитивно-процессуальная археология разделяет стремление процессуалистов к оценке построений исследователя, допуская выбор между различными толкованиями. Однако бытовавшее прежде позитивистское представление о существовании объективных фактов смягчено признанием того обстоятельства, что на восприятие реальности влияют представления исследователя.

Когнитивно-процессуальная археология сохранила и присущее процессуалистам стремление объяснять свойственные человеку прошлого нормы поведения, а не только описывать их. Предпочтительной формой объяснения служит обобщение, приложимое не к единичному, а к нескольким случаям, но ценными считаются и толкования специфических фактов [8, с. 25].

Некоторые представления когнитивно-процессуальная археология позаимствовала и у постпроцессуалистов. Она сочетает преимущественную ориентацию на познавательный, символический и идеологический аспекты человеческого поведения с воспринятым у неомарксистов возрастающим вниманием к борьбе классов и других общественных групп в социальных образованиях разного уровня.

Критики когнитивно-процессуальной археологии считают ее всего лишь разновидностью процессуализма. Защитники, напротив, видят в ней магистральный путь развития науки, не только унаследовавший сильные стороны процессуализма, но под влиянием критики пересмотревший и усиливший его концепции.

Так же огромную роль сыграли такие школы как символическая, критическая, неомарксистская и другие археологические школы. Имея менее широкий круг исследователей, они в то же время внесли большие новшества в методы археологических раскопок [2, с. 116].

Представители символической археологии сосредоточились на изучении символического значения артефактов и других культурных объектов. Примером символической археологии может служить изучение Расселом Барбером погребальных обычаев современных мексиканцев на северо-западном участке пограничья между Мексикой и Соединенными Штатами. Происхождение маленькой оградки вокруг могилы, можно связать с сооружениями начала 19 в., которые состоят из деревянных плах или – иногда – мраморных плит, поставленных в изголовье и изножье могилы и соединенных перекладинами. По своей общей структуре эти ранние захоронения напоминают кровать. При этом в надписях на надгробиях используются метафоры «сон – смерть» и «кровать – могила»; на современных могилах иногда используют настоящие кровати [6, с. 214].

Другим примером может служить исследование Яном Ходдером мегалитических гробниц эпохи неолита в Европе, демонстрирующее ограниченность символической археологии. Мегалитические гробницы – это крупные сооружения, построенные преимущественно из камней весом в несколько сот килограммов и содержащие как останки захороненных людей, так и сопровождающий их погребальный инвентарь. Некоторые из мегалитических гробниц явно имели двери и многократно использовались для совершения повторных захоронений. Символическая интерпретация, предложенная Ходдером, опирается на сходство мегалитических гробниц с европейскими жилищами того же и предшествующего времени. Однако, неизвестно, каким именно символическим значением обладали в Европе жилища в ту отдаленную доисторическую эпоху, а, по утверждению Ходдера, без этих данных полноценная интерпретация невозможна [7, с. 25].

Ощутимых успехов символическая археология добилась при изучении недавнего прошлого. Более ранние, прежде всего доисторические, материальные объекты зачастую лишены культурного контекста, позволяющего археологу судить о возможном символическом их значении. Более широкое значение символизм приобретает при интерпретации, археологических артефактов бронзового и железного веков, когда с появлением тотемизма, племенным разделением, и зарождением культуры, для символической школы открываются огромные просторы для исследования.

Неомарксистские подходы разнообразны, и объединяет их представление о ключевой роли классов и других социальных групп, объединенных общими интересами. В отличие от традиционного марксизма, неомарксисты отказались от материалистического понимания экономического базиса как первоосновы всего прочего в общественной жизни. Неомарксисты подчеркивают важность идеологического и символического факторов для сохранения структур власти. Как правило, они не признают эволюционистской теории Маркса о постепенном развитии способов производства и распределения власти [8, с. 211]. Примером неомарксистского подхода в археологии может служить рассуждение Марка Леона о саде, принадлежавшем Уильяму Пака. Леон описывает сад этого жившего в 18 в. состоятельного обитателя города Аннаполиса и трактует его как свидетельство об общественном положении владельца; будучи частью ландшафта, этот сад демонстрирует, что выдающееся положение и влияние Уильяма Пака – одно из звеньев естественного порядка вещей. О величии мог бы свидетельствовать и дом, но это – символ, целиком сооруженный людьми, тогда как сад представляет собой собрание элементов живой природы и его естественный характер вполне нагляден. Используя для демонстрации своего величия несколько подправленную природу, Пака тем самым утверждает естественность своей принадлежности к элите; таким способом он укрепляет свое могущество и отводит все вопросы относительно своих прав на это могущество [3, с. 160].

Критическая теория принадлежит к той научной школе, которая полагает, что ни один исследователь не может претендовать на окончательное постижение объективной реальности. Скорее, по мнению последователей этого течения, то, что считается фактами, на самом деле представляет искажение действительности, обусловленное представлениями исследователя. Каждому из ученых свойственны собственные суждения, заблуждения и склонности, вследствие чего они воспринимают действительность принципиально по-разному. По этой причине не существует фактов, на которых может базироваться единственно достоверная интерпретация; каждое толкование в равной мере ценно [4, с. 153].

Критическая теория сложилась на основе франкфуртской философской школы и получила известность благодаря её применению в области литературоведения [5, с. 291]. Ее сторонники доказывали, что в отношении произведения роль читателя не менее важна, чем роль писателя. Применительно к археологии это означает, что археологические данные создаются в равной степени обитателями исследуемого памятника и археологами. Таким образом, последователи критической теории утверждают, что археолог, сознает он это или нет, играет активную роль в создании археологических данных. Более того, они настаивают, что каждый археолог, обладая собственными взглядами, создает свою систему данных.

Из общей массы археологов, профессионалов и любителей, выделялись талантливые исследователи, которые обобщали весь опыт и весь накопленный материал, ставили и разрешали общие проблемы археологической науки как методические, так и методологические [8, с. 110].

Крупнейший французский археолог Жозеф Дешелет (1862- 1914), начавший свою научную деятельность с изучения галлоримской рельефной краснолаковой керамики, быстро вышел из рамок своей узкой темы и, обобщив огромный археологический материал, разработал классификацию и хронологию всех археологических памятников Западной Европы. Результаты своих исследований и выводов он изложил в четырехтомном труде "Руководство по археологии первобытной, кельтской и галлытаттской"

Современную археологию характеризует сосуществование различных исследовательских школ. В ней не существует общей парадигмы, и один и тот же археолог в своих изысканиях может одновременно пользоваться приемами, формально принадлежащими соперничающим направлениям. Многие археологи положительно оценивают это разнообразие, полагая, что оно обеспечивает возможность исследовать материал с разных точек зрения. Толкования, предложенные с разных позиций, часто оказываются не альтернативными, а дополняющими друг друга.

Краткий анализ вышеперечисленных направлений и археологических школ XIX – XX веков показывает, что их парадигмы исходные постулаты и подходы сыграли большое значение для развития археологической практики включая поиски и исследования памятников и теоретическое осмысление артефактов.

Иванов М. Г., магистрант, научный руководитель: **Евдокимов В.В.** д.и.н., профессор

1. Клейн Л. С. «История археологической мысли» В 2-х томах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011.

2. Мальникова О. М. «Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга» (1960-1974) Ижевск 2003.

3. Брей У., Трамп Д. «Археологический словарь»: Пер. с англ. — Москва: Прогресс, 1990.

4. Мартынов А. И., Шер Я. А. «Методы археологических исследований» — Москва, 2002.

5. Монгайт А. Л. «В поисках исчезнувших цивилизаций» — Москва, 1966.

6. Фуко М. «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» Москва: Прогресс, 1977

7. «История археологии: границы и принципы субдисциплины. Материалы круглого стола в Институте археологии НАН Украины» 2012.

8. Блаватский В. Д. «Античная полевая археология» — М., 1967.

9. Мартынов А. И., Шер Я. А. «Методы археологических исследований» — Москва, 2002.